Советская Эстония.
г. Таллин

31 МАР 1983

г. Москва
Гр им. Ленин.
комсомо...

В мире творчества

ИСПОВЕДУЯ ВЕРУ ЖИВУЮ...

ТЕАТР ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

СЕГОДНЯ — последний день XXII традиционного ежегодного республиканского Месяца театра.

И последний день гастролей наших гостей — Московского театра имени Ленинского комсомола, самого из интереснейших коллективов страны.

Мы имели возможность увидеть десять спектаклей, вернее, десять названий из полной афиши театра. Та, что принесли театру славу, зрительскую любовь и верность, — «Тиля», «Звезду и смерть Хоакина Мурьеты», «Жестокие игры», «Революционный этюд», «Юнону и Авось», «Оптимистическую трагедию»...

«Тиль» начался тот Ленком, который мы видим сегодня, связанный с именем главного режиссера Марка Захарова.

Зрителю по-настоящему интересен тот театр, которому интересен зритель. Тогда возникает взаимное притяжение сцены и зала, та атмосфера духовного единения, которая делает театр властителем дум, выразителем чувств, отражением общественной мысли. Зеркалом и увеличительным стеклом. Голосом и эхом.

Сегодняшнему Ленкому интересен разный зритель. Ему чужды любые узкие рамки, будь то тематика, жанр, принципы постановки или расчет на какую-либо определенную зрительскую аудиторию. Репертуар сегодняшнего Ленкома свидетельствует о стремлении театра исследовать жизнь с самых разных сторон, в самых разных ее проявлениях, учитывает и объективное различие эстетических пристрастий своего непростого и такого чуткого к любой фальши молодого зрителя.

Но это не значит, что театр вседеен — фильтр его эстетики достаточно строг. Он смело идет на эксперимент — не во имя эксперимента как такового, а чтобы отражать действительность полнее, с разных точек зрения, под различными углами, в разных ракурсах.

Выберем три, на наш взгляд, наиболее «ленкомовских» спектакля.

Когда в постановке широко известной или классической пьесы вдруг проглядывает новый смысловой пласт, доселе никем не угаданный, говорят о новом прочтении, своеобразии трактовки, стирании «хрестоматийного глянца». Но ведь и новая, мгновенно ставшая популярной пьеса в одном театре становится художественным открытием, а в другом нет. В таком случае, наверное, можно говорить об угадывании. Так «угадан» Марком Захаровым «Жестокие игры» Алексея Арбузова. Пьеса эта шла на многих сценах страны, но нигде не задержалась. В Ленкоме она идет семь лет с постоянными вариантами. В чем секрет ее долголетия? В том, как она прочитана, говоря определеннее, — в том, на чьей стороне выступает режиссер. Кто-то из великих сказал: «Молодость всегда права, даже если она ошибается». Вот это право молодости на сортеизгибающую точку зрения, на свой взгляд на мир и признается постановщиком в полной мере. Но признать право молодости на свой взгляд — не значит возвести это право в ранг абсолюта. Именно в постановке Захарова так отчетливо и ярко прозвучала мысль и об инфантильности, односторонности этого «своего взгляда» (односторонности естественной, обусловленной отсутствием жизненного опыта.).

Да, родители Нины (Ю. Астафьев) виноваты перед сыном — слишком рано сочли они его совсем взрослым и предоставили самому себе. Да, отец Терентия глубоко виноват перед ним и перед женой — из-за его пьянства рухнула семья, оборвалась жизнь одного и исковеркана судьба другого человека. Да, родители Нины (Г. Догилева), заперев ее на ключ, поступили недальновидно. Да, взрослые виноваты перед детьми своими, но как расплачиваются они за свою вину? И как платят дети за свое взросление!

В спектакле, так сказать, главному «тезису детей», выраженному Клаем: «Эй, что с тобой стало, гордое поколение Политехнического! Как ярко теперь начищены твои ботинки», театрально убедительно выстроен антитезис: есть слово — и есть дело. Есть шелуха и зерно. Оболочка и ядро. И дело пока — на стороне «поколения Политехнического», на стороне врача Миши Земцова и геолога Маши Земцовой. Их человеческой прочности, надежности — несмотря на на что. И то, что они делают дело сегодня, сейчас, дает возможность Каю, Никите, Терентию и Нелле выяснять в это время свои отношения с жизнью.

Поразительно приходит финал, когда Нинка и Нелли, начная пара влюбленных, под грустный мотивчик вдруг начинают мазать друг друга гримом и оборачиваются клоунами. Понятия «игры» и «границы игры» расширяются, проблематика пьесы включается в контекст искусства гораздо более широкий, начали локальный жизненный конфликт.

Крутится вальсе обозрения, мигают разноцветные лампочки, неистово задаются вопросы, ответы на которые нужно давать не словами, что есть добро и что есть жестокость, и качаются туда-сюда незримые качели: жестокие, но игры! игры — не жестокие.

Этот спектакль, «Жестокие игры», мне кажется, в репертуаре Ленкома служит своего рода мостом между эстетическими пристрастиями двух поколений. Двадцать лет назад зрителям дум для самой чуткой части зрительного зала — молодежи — стал театр на Таганке, он принес на свою сцену ту стихию, которой молодежь дышала и вдохновлялась — стихию поэзии.

Через десять лет, когда поэзия уступила пальму популярности современным ритмам, эту перемену угадал Марк Захаров — и вывел на сцену драматического театра рок-оперу.

«Поколение Политехнического» внимало поэтическому слову. Следующие поколения — пока — внимают слову, положенному на музыку.

Образно говоря, «Юнона и Авось» — ленкомовский спектакль-шлягер конца 70-х годов — занял место «Антимиров», таганкинского спектакля-шлягера середины 60-х.

Самое интересное, что у этих спектаклей один автор текстов — поэт Андрей Вознесенский. Ярчайший поэт «поколения Политехнического», когда главным казалось мысль, подчеркнутая энергией чувства.

Когда Кай в «Жестоких играх» предъявляет нынешним сорока-пятидесятилетним счет («гордое поколение Политехнического»...), его бурно поддерживает сидящее в зале поколение (какое? ленкомовское!). То самое, театральный кумиром которого стала «Юнона», где, не умаляя мысль, но же господствует чувство стиха Андрея Вознесенского, многократно умноженное музыкой Алексея Рыбникова.

Мысль и чувство. Чувство и мысль. Два крыла, несущие слово.

В музыкальных спектаклях Марка Захарова, мне кажется, используют особый принцип постановки, своего рода «монтаж аттракционов». Режиссера работают на только то, что увидят зрители на спектакле. Он еще думает и о том, каким останется в памяти зрителя образ спектакля. Перефразируя Высоцкого, можно определить этот эффект так: что остается от спектакля потом, после того, как его отыграли. Поэтому могут быть сюжетные провалы, непрописанность характеров, даже немотивированность поступков — но не может снизиться накал чувства, не может быть небрежности формы, непредвиденного эффекта в оформлении, дилетантизма и скуки (хочется обязательно отметить и работу художников театра, и его постановочной части, и его дирекции — дать возможность режиссеру ставить спектакля с такими сценическими эффектами, как в «Юноне», постоянно держать их в хорошей форме — дело многотрудное).

...Луч, таинственный и дальний, исходящий, кажется, просто из ладони неизвестного человека с закрытым лицом, направлен в зрительский зал. За спиной человека, силой искусства связующего разные эпохи, — шхуна с разной золоченой фигурой на носу, перед ним красная полусфера, в которую он потом нальет волшебный напиток — фантазии? — и воскресит минувшее (сценография О. Шайницких)... Эпизоды из жизни графа Николая Петровича Резанова, задавшегося в 1806 году целью воздвигнуть мост между Америкой и Россией, его служении Отчизне, его любовь к Кончите, верность и ожидание его возлюбленной...

«Юнона и Авось» — гимн идеалу и любви. Идеалу пусть недостигнутому, но осветившему жизнь высокой мечтой, любви — и Отечеству и человеку. Любви, о которой складываются легенды, переживающие века. Потому столь же горячий прием спектакль встретил и во время зарубежных гастролей театра: он говорит об общечеловеческом. Говорит на языке общепонятном.

«Юнона» представляется пока вершиной линии музыкальных спектаклей театра. Пиком. Тем интереснее ждать следующего шага.

«Оптимистическая трагедия» — одна из самых популярных пьес советской классики (недаром в программе зрителю сообщается, что пьеса поставлена более чем в ста городах страны). Одна из последних работ театра.

...Старые фотографические карточки... Плотным рядом протянулись они по стене зрительного зала, наскончавшей вереницей ухода в глубь сцены. Чередой лиц когда-то, а может, и сейчас реально существующих людей. Молчаливо проплывают по авансцене человек и долговязой шинели. Его лица мы не увидим, но именно он тронет струны «ритмально стоящего рояля с сорванной крышкой, и родится одиночество и звук, и эхо звука. Вызовет из небытия прошедшее время и вечную память о нем. Поглядит в лицо времени, он задаст высокую ноту эмоций, торжественную ноту поклонения подвигу. Участник же подвига, Ведущий (Н. Скоробогатов) от торжественности отстранен. Он, словно не привыкший к выступлениям ветеран войны, выглядит к аудитории не по случаю памятной даты, а по зову сердца, сбиваясь с личностного «мы обращаемся» на безличное «полк обращается»... Они разведены постановщиком на разные стороны сцены. С одной стороны — символ, торжественная гордость, рожденная осмыслением с дистанции времени. С другой — лица реальных людей, глядящих с фотографий.

Эта разведка представляется концептуально ложной. «Держа в уме масштаб исторического удаления от реальных событий, режиссер восстанавливает само событие в его хронологической последовательности, в подробности каждого момента, когда исход борьбы еще неизвестен. Им самим — Комиссару, Вожаку, Алексею, Сиплому, Вайноному — еще неизвестно, как сложится дальнейшее. Все, что происходит с ними, происходит впервые — и навсегда. Наверное, поэтому так торопливо хватается Комиссар Инны Чуриковой за подходящие моменту определения или призывы, уложенные в привычное сочетание слов — «я надеюсь, меня поймут», «работать надо с теми, кто есть», — это единственные твердые островки смысла в бурлящем вокруг круговороте словоизвержения. Спираясь на них, можно выиграть время и обдумать ситуацию. Чем она, слабая женщина, может победить стихию разбушевавшегося анархизма? Только умом, только личным примером, только силой убежденности, только способностью самопожертвования, только душевной отвагой.

В актриса, на режиссер не скрывают страхов Комиссара, ее растерянности при вопросе Бернита «Стоит ли внимания у нас одна человек, если речь идет о целом человечестве?», не скрывают сердечной слабости к Алексею (мне кажется, это одна из лучших актерских сцен — дуэт Инны Чуриковой и Алексея Карачевцова — объяснение в любви во время занятересованного разговора: пойдет или не пойдет крестьянин за партией большевиков?).

Непоторопливость каждого мгновения требует и тончайше разработанной психологической партитуры главных ролей. И она выписывается актерами детально. Жуткое добродушие Вожака Евгения Леонова имеет массу оттенков, один из них совсем неожиданный — привычка к канцелярскому порядку. А к финалу роли слово «друг» меняется оттенком и дается сверхкрупный план: скинута личина народолюбца, перед Комиссаром — враг, равный по силе ненависти, спокойно идущий на смерть. Неоднозначна фигура Сиплого (Александр Абдулов) — эдакий мелкий бес, крутит, водит, хороводит, хорошо видает, что творит. Пожалуй, труднее всех приходится Алексею Николая Карачевцова, он — фигура переходная от полюса к полюсу, его переход от безверия к вере как бы предрешен, и актер прекрасно справляется с этой сложной задачей. Небольшая, но очень важная роль Бернита отдана Олегу Яковскому — тема интеллигенции в революции так же важна для этого спектакля, как и тема поворота от анархического бунтарства за свободу вообще к осознанной необходимости достижения определенной цели.

...Крупные актерские работы есть не только в «Оптимистической трагедии»: Олег Янковский в роли Ленина («Революционный этюд»); удивительный ансамбль в «Жестоких играх» — Т. Догилева, Ю. Астафьев, А. Абдулов, И. Фокин, Н. Скоробогатов; совершенно по-новому по сравнению с киноработами раскрылся В. Проскурин в роли Валеха в «Воре», в музыкальных постановках, кроме Николая Карачевцова и Елены Шаниной, выделяются Г. Трофимов и Ю. Наумкин (говоря о музыкальных спектаклях, никак нельзя обойти молчанием ансамбль Криса Кельми «Рок-ателье» с уникальным вокалистом Александром Садо).

...Сегодня заканчивается Месяц театра. Заканчиваются и гастроли Ленкома. Хочется надеяться на новые встречи с театром Марка Захарова.

Этэри КИКЕЛИДЗЕ.

На снимках: сцены из спектаклей «Оптимистическая трагедия», «Жестокие игры», «Юнона и Авось».

Фото Н. Шарубина и С. Данильина.